

УДК 81-115(111+161.1)
DOI 10.17223/19986645/28/5

М.И. Мехеда

О НЕКОТОРЫХ ПАРАМЕТРАХ ИНФОРМАТИВНОСТИ СУБСТАНДАРТНЫХ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ)

В статье предпринимается попытка выделить и описать некоторые параметры информативности лексических единиц субстандартных пластов русского и английского языков. Наибольшее внимание уделяется «дополнительной информации» в структуре значения лексической единицы, т.е. таким аспектам, как экспрессивность, аксиологичность, кодирование гендерных, возрастных и социальных характеристик участников общения. Рассматриваются отдельные модели словообразования как способы повышения информативной ценности субстандартной единицы.

Ключевые слова: субстандарт, словообразование, информативность, аксиологичность, экспрессивность, языковая экономия, иконичность.

Восприятие действительности, осмысление окружающего, соотнесение себя, своего «Я» с реальностью происходит посредством языка и предполагает тесную взаимосвязь языка и мышления. Современная наука рассматривает человека и язык как системы, процессы в которых могут быть объяснены при помощи комплексного подхода. Такой системный подход, объединяя различные концепции восприятия и объяснения действительности, позволяет изучать мир, принимая во внимание естественные законы, устанавливая взаимосвязи между эволюционными процессами в природе, эволюции человека, а также эволюции языка.

Рассматривая человеческий язык как составляющую более крупной системы, человеческого организма, необходимо принимать во внимание тесную взаимосвязь всех физиологических, ментальных, психологических и социально обусловленных процессов. Основой эффективности любой системы является обработка и хранение максимально возможного количества информации, полученной извне. В задачу человеческого мозга входит обработка максимума информации за кратковременный период, чем выше эта эффективность, тем приспособленнее и адаптированнее мы как вид. Количество информации и способы ее хранения и обработки являются показателем развитости любой системы. Чем более ценная информация создается в системе и чем выше критерий ее отбора, тем выше стоит эта система на лестнице биологической эволюции. Таким образом, наиболее важным фактором развития системы становится фактор ценности информации для передачи последующим поколениям. «Выделение живым организмом полезной информации и экономичность ее хранения в виде отдельных признаков связаны с дискретностью получаемой информации, что помогает рационально ее отбирать и хранить. Такой кибернетический подход дает возможность представить память как многоуровневую структуру блоков информации, позволяет живому

организму экономно перерабатывать информацию и самоусовершенствоваться» [1. С. 219].

Однако мы не можем представить человеческое общение в качестве примитивной передачи какого-то объема информации от Говорящего к Реципиенту. Необходимо признать, что элементарная передача информации в процессе коммуникации не нуждается в столь сложной системе, как язык. Как отмечал У. Матурана, основной функцией языка является не передача информации или описание «независимой вселенной, о которой мы можем вести разговоры», а создание «консенсуальной области поведения между системами, взаимодействующими на языке, путем развития кооперативной области взаимодействий». Сам процесс передачи от одного участника акта коммуникации к другому не может происходить в рамках материальных понятий. Каждый участник общения создает свою область информации, «консенсус возникает лишь благодаря кооперативным взаимодействиям, в которых результирующее поведение каждого из организмов служит поддержанию их обоих» [2. С. 119].

Таким образом, целью самого акта коммуникации является именно возможность оказания влияния на Реципиента, т.е. «передачи экспрессивного, эвокативного, квалификативно-оценочного» [3. С. 140]. С этой точки зрения каждое высказывание будет выстраиваться с позиции повышения не только информативности, но и эмфатичности.

В связи с невозможностью передачи информации от Говорящего к Реципиенту в полном объеме (т.е. при отсутствии абсолютно идентичного индивидуального лингвистического и экстралингвистического опыта, тождественных психофизиологических параметров личности и т.д.), Говорящий лишь может «сориентировать» Реципиента высказывания на создание необходимого образа. Данная цель предполагает поиск средств, способных оптимально транслировать информацию в соответствии с конситуацией. Как подчеркивает Р. Келлер, «одно из самых фундаментальных правил нашего общения – это стратегия быть понятым» [4. С. 181]. Однако «язык для нас – это не только средство простого понимания, но и средство самовыражения в широчайшем (и ни в коем случае только в негативном) смысле» [4. С. 164]. Таким образом, Говорящий (особенно участник неформального, т.е. не ограниченного нормами литературного стандарта, общения) выбирает информативно ценные, эмоционально нагруженные, оригинальные средства выражения, зачастую используя новообразование, неожиданное сочетание элементов, яркий эпитет, сравнение или повтор слова или фразы, тем самым обращая внимание слушателя, давая выход собственным эмоциям, выраженным языковыми средствами, и добиваясь реакции реципиента. Затраты энергии, сопряженные с поиском или созданием инновации, энергетически оправданны с позиции получаемого эффекта.

Сложность, Впрочем, представляет определение точной «стоимости» единицы с точки зрения информативности. О количестве информации можно судить в полном объеме лишь в области искусственных языков [5–6]. Возможность учесть все аспекты языковых единиц естественных языков крайне проблематична. Тем не менее каждый знак, входящий в систему (в случае как искусственных, так и естественных языков), наделен определенной долей

информации, для хранения и воспроизводства которой необходимы затраты энергии [7]. Именно затратами энергии и можно было бы определить «ценность» той или иной единицы. Предпочтения, оказываемые говорящим определенной единице в данной конкретной точке высказывания, зависят от «ценности» этой единицы по сравнению с другими единицами системы языка. Под ценностью лексической единицы мы, вслед за И.Р. Гальпериным, понимаем «новую информацию, получаемую от языковой формы, т.е. от реализации информативности, содержащейся в самом языковом знаке» [8. С. 11]. Информация, полученная извне, подлежит «не только непосредственному восприятию, но и сложнейшей ее обработке, вплоть до того момента, когда она, отраженная в мозгу человека и получившая в нем определенную ментальную репрезентацию, станет в свою очередь, объектом дальнейших ментальных, в том числе и познавательных процессов с нею» [9. С. 12]. Саму же информацию можно определить как «вербализованную передачу уже добытых, осмысленных и организованных фактов объективной действительности» [8. С. 17].

Таким образом, для привлечения внимания слушателя и для повышения эффективности воздействия высказывания необходимо выбирать единицы, информативная ценность которых велика за счет определенных параметров, среди которых нами выделяются: **1) низкая частотность употребления; 2) иконическая закреплённость определенных значений за разноуровневыми единицами в структуре ЛЕ (на фонологическом, морфологическом, семантическом уровнях); 3) наличие в структуре значения ЛЕ дополнительных элементов, как, например, экспрессивности и аксиологичности, как составляющих элементов прагматики ЛЕ; 4) стилистическая маркированность моделей словообразования.**

Для анализа выделенных параметров будем опираться на материал, собранный на основе субстандартного пласта лексики рассматриваемых языков, т.е. образцов живой естественной речи, когда говорящий в наименьшей степени контролирует высказывание, опираясь в большей степени на эмоционально-оценочную его составляющую, что реализуется в зачастую непреднамеренном, интуитивном использовании единиц, форма которых является определяющим фактором при выборе единицы. Термин «субстандарт» для описания разнообразных лексических феноменов нелитературного пласта русского и английского языков заимствован из работ Л. Соудека и понимается как «коллоквиально-просторечный, стилистически-сниженный лексический слой современного языка без различения территориальных, социальных и функциональных лексических подгрупп» [10. С. 30].

Универсальными особенностями описываемых подсистем русского и английского языков, отличающими их от кодифицированного литературного языка, являются: непринужденность, неподготовленность, неофициальность, непосредственное участие говорящих в акте коммуникации, устная форма как основная реализация, опора на внеязыковую ситуацию [11. С. 4, 12]. Субстандарт характеризуется также избыточностью, синонимической вариативностью и экспрессивностью, что «отражает специфику менталитета, психологические особенности поведения и эмоционального состояния социальных групп населения, характеризующихся низким социальным, образовательным

уровнем и возрастными особенностями больших групп молодежи, которым свойственны бравада, отрицание авторитетов, ирония и высмеивание общепринятых стереотипов» [10. С. 88].

Остановимся более подробно на выделенных параметрах информативности субстандартных единиц.

1. Низкая частотность употребления ЛЕ (модели)

Необходимо отметить, что информативность единицы напрямую зависит от такого фактора, как частотность ее употребления. Как подчеркивает А. Мартине, «чем выше частотность единицы (слова, фонемы), тем менее информативна эта единица» [7. С. 198]. То есть редко встречаемые в потоке речи лексические единицы наиболее ценны в информативном аспекте. Такие единицы, как местоимения, соответственно, наименее информативны, а оригинальные, зачастую окказиональные новообразования привлекают дополнительное внимание реципиента. Например, в англ.: *wallinator* (девушка, доминирующая на страничке (wall) молодого человека в Facebook): «Catie wrote on Joseph's wall again. – Yeah, she's a total *wallinator*» [urbandictionary.com]. Даже длина единицы в данном случае имеет значение, т.е. чем длиннее, тем реже встречается в речи. Принцип Дж. Ципфа утверждает взаимозависимость частоты употребления слова и его краткости: с течением времени происходит укорочение наиболее часто употребляемых слов внутри сообщества носителей языка [13. С. 34].

Не только готовая лексическая единица является более ценной при меньшей ее «востребованности», но и модель словообразования становится более ценной (оригинальной) при низкой частотности употребления. Так, например, универсальная для русского и английского языков редупликация как модель словообразования достаточно редкий «участник» коммуникации. Однако низкая частотность позволяет редупликату быть более ценной с информативной точки зрения единицей высказывания, привлекая дополнительное внимание Реципиента формой, а также функциональной нагруженностью (*охи-вздохи, лыжники-фуфлыжники, бабехи-распущеных, frou-frou, super-duper, silly-willy*).

«Свежее» заимствование также образует новую единицу с повышенной степенью информативности за счет своей «инаковости». Однако при заимствованиях адекватность декодирования информации единицы произойдет только в случае включенности Реципиента в консигуацию и/или определенное знание реципиентом языка-источника: «Привет, *паувацы*! Спасибо за приятную встречу, спасибо новым лицам за то, что они БЫЛИ, за прикольные рассказы о Запорожье» (сохранены авторская орфография, пунктуация и выделение) [www.multitran.ru/c/m.exe?a=4...82396] (от *pow-wow* англ., разг. – встреча, собрание).

2. Иконическая закреплённость определенных значений за разными единицами в структуре ЛЕ

С точки зрения экономии затрат при восприятии информации Реципиентом (слушателем) эффективность декодирования зависит во многом от однозначности соответствия формы и содержания. Наличие прямой иконической связи между формой языкового знака и его значением могло бы способствовать успешности декодирования информации, которое «становится возмож-

ным только в условиях ее однозначного кодирования» [12. С. 75]. Возможно, в связи с большей степенью естественности условий порождения акта коммуникации, некоторым отключением барьеров (блоков), создаваемых так называемыми социальными факторами (этикетом, нормами вежливости, цивилизованности) или условиями коммуникации (состав участников, ситуация), в условиях свободного высказывания на первый план выдвигается форма слова. Зачастую именно внешняя форма ЛЕ является основополагающей для многих словообразований, так как она является единственным носителем значения. Как подчеркивал И.Р. Гальперин, «форма играет существенную роль в оценке самого содержания: именно она нередко помогает раскрыть те признаки описываемого явления, которые раньше оставались незамеченными» [6. С. 30].

На фонетическом уровне в разнотипичных языках отприродность связи между значением слова и его звучанием отмечалась в работах В. Гумбольдта, Г. Пауля, О. Есперсена, Г. Марчанда, позднее в исследованиях Р. Якобсона, С.В. Воронина, Н.В. Дрожащих, Ф.Р. Минлоса, С.С. Шляховой.

Большое место явлению звукосимволизма отводилось в трудах отечественного лингвиста С.В. Воронина, чья концепция определяла в качестве звукоизобразительных не только те слова, «которые ощущаются современными носителями языка как обладающие фонетически «мотивированной» связью «между звуком и значением», но и слова, в которых эта связь в ходе языковой эволюции оказалась затемненной, ослабленной и даже на первый взгляд полностью утраченной, но в которых с помощью этимологического анализа эта связь выявляется [14. С. 22].

Так называемая образная иконичность в языке затрагивает отношение изоморфизма (параллелизма в организации звуковой и смысловой стороны языка): 1) между формой знака (корневой морфемой) и лежащим в основе номинации звуковым, акустическим признаком денотата (звукоподражание или ономотопея); 2) между формой знака (корневой, аффиксальной морфемой) и лежащим в основе номинации незвуковым, неакустическим признаком денотата (звукосимволические слова, звукоизобразительные форманты) [15. С. 165–166].

На семантическом уровне иконичность проявляется в виде сосредоточения когнитивного потенциала в консонантном начале слога, т.е. можно говорить о «большей иконической маркированности инициали» [16. С. 56]. Так, в русском языке интересно отметить значительное количество ЛЕ с основной семьей «выражение неудовольствия» с инициальными звуками [йо] или [йэ], например: *ё-кэ-лэ-мэ-нэ*, *ё-мое*, *ёксель-моксель*, *едрён-батон*, *ёлы-палы*, *ёкарный бабай* и т.д., где инициальной «ё» в русском субстандарте является стилистически маркирующим компонентом. В английском языке мы можем упомянуть ЛЕ с инициальным [w], значительное количество которых передает идею отношения или принадлежности к алкогольному или наркотическому опьянению (*boosy-woosy*, *wiff-sniff*, *wibbled*, *whino*, *wazzled*).

На морфологическом уровне необходимо отметить упомянутую ранее редупликацию (удвоение) как способ словообразования, в русском языке выражающую такие значения, как повторяемость действий (зачастую с неудачным результатом) (*ходил-ходил*, *делал-делал*, *учил-учил*); а в русском и в англий-

ском языках также может выражать идею собирательности (*каляки-маляки, бэки-мэки, шайка-лейка, шуры-муры, шурум-бурум, штучки-дрючки, bric-a-brac, tit-bit, hoi-polloi, hob-nob, hurly-burly*), большую степень проявления признака (ср. рус. *большой-(пре)большой, много-много*, англ. *biggety-big* (*огромный*), *teeny-weeny* (*крохотный*)).

3. Дополнительная информация как часть структуры значения

Представляя информацию ЛЕ в двух планах – семантическом и более глубинном, эстетическом, можно говорить о том, что «семантическая информация своей общей основой имеет логику, для эстетической информации общей основой является «шкала» чувств, которые может испытывать человек» [17. С. 54]. Эстетическую информацию мы будем рассматривать в качестве дополнительной информации, которая является кодированием многих элементов, среди которых эмоциональное состояние, определенные возрастные, социальные и профессиональные особенности говорящего; ролевые отношения, включающие субъективно-оценочное отношение говорящего к действительности, к реципиенту, к предмету разговора и т.д. Таким образом, некоторая избыточность на уровне дополнительной информации является способом повышения информативности сообщения, т.е. наличие дополнительной информации на уровне лексической единицы способствует экономии умственных усилий говорящего в процессе коммуникации.

Характерной особенностью субстандартной лексики является полисемность, т.е. наличие сложной структурности значения, включая дополнительные аспекты, не поддающиеся односложной интерпретации на литературный стандарт. Подобная сложная структура значения включает дополнительную информацию, которая является кодированием многих элементов, среди которых эмоциональное состояние, ролевые отношения, включающие субъективно-оценочное отношение говорящего к действительности, к реципиенту, к предмету разговора и т.д. В.И. Заботкина обращает внимание также на закодированность в субстандартных единицах таких стратификационных параметров, как территориальный, социальный, профессиональный, возрастной и половой [18. С. 57].

Несомненно, в качестве дополнительной информации в структуре значения субстандартной лексической единицы наиважнейшее место занимает **экспрессивность**. «Экспрессивность (лат. *expressio*) – выразительность, сила проявления чувств и переживаний» [19. С. 127]. Ряд ученых отождествляют понятие экспрессивности с понятиями эмоциональности и/или **оценочности**: А.М. Эмирова трактует экспрессивный компонент как «часть прагматического значения, которая связана с выражением эмоций и оценок говорящего (в лексике и фразеологии) – так называемое эмотивное, эмоционально-оценочное значение, в грамматике – субъективно-модальное» [20. С. 15].

Как подчеркивает Е.Ф. Серебренникова, оценочность и оценочные характеристики – «фундаментальные характеристики универсума бытия человека и общества» [21. С. 3]. Оценочность находит отражение на лексическом, словообразовательном и синтаксическом уровнях языка с различной степенью выраженности в функциональных подсистемах языка. Как подчеркивает С.М. Белякова, аксиологичность (оценочность) является весьма важным

свойством языка, проявляющимся во многих коммуникативных актах, в особенности в устной, ситуативно-актуализированной речи [22. С. 180].

Системно-языковые средства выражения экспрессивности и оценочности функционируют на всех уровнях языка: фонетическом (длительность звуков, интонация, звуковые повторы, ритм, рифма); морфологическом (словообразовательные экспрессивные морфемы: диминутивные и аугментативные аффиксы, аффиксальная и корневая редупликация); синтаксическом (инверсия, синтаксические повторы, эллиптические конструкции); лексическом (экспрессивно-окрашенная лексика, контекстуальные значения лексических единиц).

В качестве универсального средства повышения экспрессивности высказывания в таких разнотипных языках, как русский и английский, признается явление повтора, который имеет разнообразное воплощение на всех уровнях в разнотипных языках (И.В. Арнольд [23], И.И. Туранский [3], Е.А. Земская [11], С.М. Белякова [22]). Повтор как речевой элемент привлекает внимание слушателя, подчеркивая значительность, усиливая эмоциональное воздействие речи [24. С. 73].

Повтор на лексическом уровне является одной из разновидностей редупликации, фомоморфологического способа словообразования, которая представляет собой стилистически сниженный способ образования нового слова с ярко выраженной стилистической коннотацией [25–30]. В этом случае мы можем говорить об иконической закреплённости за редупликацией экспрессивности на словообразовательном уровне (*чмоки-чмоки*, *нежности-белоснежности*, *lovey-dovey*, *muckety-muck*).

За рядом моделей редупликации иконически закреплён также элемент пейоративной оценки. Так, например, в русском языке продуктивны заимствование так называемой правосторонней *шм*-редупликации из идиш и производство многочисленных окказиональных редупликативов по данным моделям (*мент-шмент*, *роботы-шмоботы*), а также *м*-редупликация по модели, заимствованной из тюркских языков (*девки-мевки*, *шашлык-машлык*). Редупликативы этого типа передают идею негативной оценки, закреплённой в самой структуре повтора. Вяч. Вс. Иванов отметил, что подобный словообразовательный прием характерен для языков кавказского ареала, многочисленные примеры таких парных сочетаний попадают в тот вариант русского языка, который распространён на Кавказе. Этот прием «обычно используется в живой речи для образования оборотов с сильно выраженной эмоциональной (иногда негативной) или иронической окраской: *сумки-мумки* (в смысле: бесконечные сумки – от водителя такси)» [31. С. 142].

Насыщенность коннотативного значения негативной оценочностью и экспрессивностью, а также стилистическая маркированность самого способа словообразования предопределяют, по нашему мнению, нередкий выбор редупликатива в процессе коммуникации в качестве информационно более емкого и экономически выгодного элемента высказывания (отрывок сообщения посетителя интернет-форума «Изба рыбака»): «...за мясо всеми конечностями! по хавчику думаю каждый чегой-то возьмет (чай-кофей *сало-шмало* (курсив наш. – М.М.), овощи-хрутки, соленья-варенья, посуда, жидкого наварим, твердого напарим. по возможности берем столики и стульчики. если не будет клева, можно прессу» (сохранены авторская пунктуация и орфография)

[URL:<http://fishing.su/lofiversion/index.php/t3761-200.html>, дата обращения: 12.11.2009].

Как и редупликация, универбация и усечение могут быть отнесены к собственно субстандартным способам словообразования в русском и английском языках, и уже на этапе образования лексической единицы сама модель образования наделяет ее элементом экспрессивности при сохранении высокой информативности и экономичности (в английском языке: *Za* – pizza; в русском: *трешка* – трехкомнатная квартира, *лаба* – лабораторная работа).

В отличие от собственно субстандартных способов словообразования аффиксация, безусловно, является высокопродуктивным способом и в кодифицированной подсистеме. Однако зачастую лексические единицы субстандартной подсистемы, образованные аффиксальным способом, связаны со словообразовательным элементом лишь общим значением и конкретизируются в контексте. Специфичность подобных новообразований связана со «свободой семантических связей производящей и производной основ» [11. С. 118]: в рус.: *гаисты* (сотрудники ГАИ) «*Гаисты* и вчера были неласковые. А уж сегодня и подавно» [<http://otvet.mail.ru/question/15259473>].

Собственно субстандартная суффиксация как в русском, так и в английском языках отмечена высокой продуктивностью диминутивных (уменьшительных) суффиксов, являющихся репрезентацией категории субъективной оценки. Использование диминутивов зачастую гендерно обусловлено. Здесь мы можем говорить о **закрепленности за словообразовательной моделью определенных значений**, т.е. в данном случае «**принадлежность говорящего к определенному полу и/или возрасту**». Избыточное использование дериватов с диминутивными суффиксами, имеющими ярко выраженную эмоционально-оценочную составляющую, характерно для речи женщин, особенно старшего поколения: «"Is that him?" said Sister Mary, staring at the baby. "Only I'd expected funny eyes. Red, or green. Or *teensy-weensy* little *hoofikins*. Or a widdle tail"» [32. С. 24].

Для субстандартного пласта русского языка (как языка аффиксального типа) продуктивно использование редупликации синонимичных аффиксов (*ребетёшечки* (*ребятёночки*, *ребятюшечки*), *пирожочечки*), что привносит дополнительную экспрессивность в высказывание и также может быть индикатором гендерной и возрастной принадлежности Говорящего и/или его отношения к реципиенту или к предмету высказывания.

Подобной характеристикой словообразовательной модели в рассматриваемых языках обладает также ономотопея, где эмоциональность и экспрессивность являются неотъемлемой частью семантики (*тарарам*, *шлеп*, *плюх*, *бубух*, *boo-boo* (болячка), *bow-wow* (гав-гав, собака). Возраст Говорящего также закодирован в многочисленных ономотопах сферы «детской речи». С.М. Лойтер подчеркивает игровое начало структур ономотопеических слов: «Ономотопея – высокоорганизованная игровая форма речевой коммуникации. Игра становится инструментом овладения языком. Игровая функция слово-образов, словозвуков, их повторяемость, основанная на принципе эквивалентности, соединяется с эстетической функцией. Суггестивность ономотопеи несомненна: когда ребенок слышит «трах-трах», он видит некую

картину» [33. С. 21]: *ням-ням, шлеп-шлеп, уит-уит* (ням-ням), *bang-bang* (бах-бах, пиф-паф).

Использование в речи взрослых как редупликативов-ономатопов, так и звукосемантических редупликативов зачастую говорит о семейном положении Говорящего (наличие детей в семье) либо о сфере его профессиональных интересов (возможно, связанных с общением с детьми), а также об определенном отношении к предмету разговора (любовь, нежность): «'Oh, it's not that,' said Malicia, walking over to the door and looking at the keyhole. 'It's just that it's so... childish. So... *tinkly-winkly*. So... Mr Bunnsy'» [34. С. 196].

Принадлежность к этническому социуму ограничивает употребление единицы по линии стратификационной вариативности. Так, употребление «*nail'em-&-jail'em*» (полицейские) в английском языке ограничено рамками узуса афроамериканского населения. Мы также можем говорить об использовании определенных словообразовательных моделей в качестве иронического средства имитации этнических стереотипов, так, например, уже упомянутая выше *шм*-редупликация (как в русском, так и в английском языках) предполагает имитацию идиша (*доктор-шмоктор, хоббиты-шмобиты, Лукойл-шмукойл; wonderful-schmonderful, actor-schmactor, book-schmook*). Редупликативы зачастую соотносятся в сознании носителей с заимствованными структурами, что особенно характерно для редупликативов звукоподражательного характера: «*кырдым-бырдым*» – представитель южно-азиатских народностей: «Иди у *кырдым-бырдыма* дыню купи» [URL: <http://www.gramota.ru/slovari/argo>, дата обращения: 15.03.2010].

4. Стилистическая маркированность

Закрепленность определенной стилистической маркированности лексических единиц зачастую определяется способом словообразования. Например, уже упомянутые редупликация, ономатопея, универбация, а также ряд моделей аффиксации в рассматриваемых языках предполагают стилистическую сниженность лексических единиц, образованных данными способами. Подобная маркированность единицы позволяет декодировать заложенную в ней информацию с меньшими энергетическими затратами со стороны реципиента.

Вывод. Разумеется, в рамках одной статьи не представляется возможным провести полный анализ всех параметров информативности. Мы затронули лишь малую часть чрезвычайно интересного и многоаспектного явления информативности субстандартных лексических единиц. Необходимо еще раз обратить внимание на тесную связь между выбором средств высказывания и стимулированием создания определенного (субъективного) отношения у реципиента к услышанному. Со стороны Говорящего существует намерение выразить эмоции и мысли наиболее эффективным образом для удержания внимания Реципиента, оказания необходимого ориентирующего воздействия, что отражается в выборе единиц с повышенной степенью информативной ценности. Таким образом, при равных условиях, т.е. при равнозначности денотативной составляющей средства выражения, «индивид отдаст предпочтение той единице, параметры которой будут соответствовать его социальному статусу, позиции в ролевой структуре общения, отношения Говорящего к предмету и адресату общения» [35. С. 204]. С другой стороны, в задачи Реципиента входит декодирование информации минимальными

средствами, т.е. удержание внимания, повышение рефлексии, восприятие эмоционально-оценочной составляющей высказывания, при минимуме усилий. Успешному декодированию в этом случае также будет способствовать наличие в речи единиц с низкой частотностью употребления и с высоким содержанием дополнительной информации.

Литература

1. Горбачев В.В. Концепции современного естествознания. М. : ООО «Изд. дом «ОНИКС 21 век»: ООО «Изд-во «Мир и Образование», 2003. 592 с.
2. Матурана У.Р. Биология познания // Язык и интеллект. М. : Прогресс, 1995. С. 95–142.
3. Туранский И.И. Семантическая категория интенсивности в английском языке. М.: Высш. шк., 1990. 173 с.
4. Келлер Р. Языковые изменения: О невидимой руке в языке / пер. с нем. и вступ. ст. О.А. Костровой. Самара : Изд-во СамГПУ, 1997. 308 с.
5. Колмогоров А.Н. Три подхода к определению понятия «количество информации» // Проблемы передачи информации. 1965. Т. 1. С. 3–11.
6. Шеннон К. Работы по теории информации и кибернетике / пер. с англ. В.Ф. Писаренко. М. : Изд-во иностр. лит., 1963. 830 с.
7. Мартине А. Основы общей лингвистики / пер. с фр. М. : УРСС, 2004. 228 с.
8. Гальперин И.Р. Информативность единиц языка: учеб. пособие для вузов. М. : Высш. шк., 1974. 175 с.
9. Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения // Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 9–58, 505–533. (Язык. Семиотика. Культура).
10. Пономарева О.Б. Когнитивные и прагмо-стилистические аспекты семантической деривации (на материале английского языка в сопоставлении с русским и немецким языками). Тюмень : Изд-во ТюмГУ, 2005. 164 с.
11. Земская Е.А. Русский язык как иностранный. Русская разговорная речь. Лингвистический анализ и проблемы обучения: учеб. пособие; 3-е изд., перераб. и доп. М. : Флинта: Наука, 2004. 240 с.
12. Дрожащих Н.В. Синергетическая модель интеграции иконических единиц разных уровней. Диахрония. Тюмень : Изд-во Тюм. гос. ун-та, 2006. 256 с.
13. Horn L. Economy and redundancy in a dualistic model of natural language // SKY: The Linguistic Association of Finland, 1993. P. 33–72.
14. Воронин С.В. Основы фоносемантики. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1982. 244 с.
15. Большой энциклопедический словарь : Языкознание / гл. ред. В.Н. Ярцева. М. : Большая российская энциклопедия, 1998. 685 с.
16. Дрожащих Н.В. Иконические и символические аспекты языковых знаков // Знак. Слово. Текст: семиотические аспекты языковых единиц разных уровней. Тюмень: Изд-во Тюм. гос. ун-та, 2001. С. 51–73.
17. Звегинцев В.А. Теоретическая и прикладная лингвистика. М. : Просвещение, 1967. 338 с.
18. Заботкина В.И. Новая лексика современного английского языка. М. : Высш. шк., 1989. 126 с.
19. Розенталь Д.Э. Современный русский язык. М.: Высш. шк., 1991. 559 с.
20. Эмирова А.Н. Русская фразеология. М. : Просвещение, 1988. 245 с.
21. Серебренникова Е.Ф. и др. Лингвистика и аксиология: этносемиотрия ценностных смыслов. М.: ТЕЗАУРУС, 2011. 352 с.
22. Белякова С.М. Образ времени в диалектной картине мира (на материале русских старожильческих говоров юга Тюменской области). Тюмень : Изд-во Тюм. гос. ун-та, 2005. 264 с.
23. Арнольд И.В. Стилистика современного английского языка: стилистика декодирования. Л. : Просвещение, 1981. 295 с.
24. Кузнец М.Д., Скребнев Ю.М. Стилистика английского языка: учеб. пособие: под ред. Н.Н. Амосовой. Л. : Наука, 1960. 173 с.
25. Крючкова О.Ю. Редупликация в аспекте языковой типологии // Вопросы языкознания. 2000. № 4. С. 68–84.

26. Минлос Ф.Р. Редупликация и парные слова в восточнославянских языках: дис. ... канд. филол. наук. М., 2004. 183 с.
27. Мехеда М.И. Тематическая дифференциация редупликативов в русском и английском языках // Вестн. Тюм. гос. ун-та. 2010. № 1. С. 183–189.
28. Петрова Л.И. Редупликация в английской словообразовательной системе: дис. ... канд. филол. наук. Л., 1978. 214 с.
29. Moravcsik E. Reduplication // International encyclopedia of linguistics / ed. William Bright. Oxford : Oxford University Press, 1992. P. 323–324.
30. Thun N. Reduplicative Words in English: The Study of Formation of words tick-tock, hurly-burly, shilly-shally : PhD theses. Uppsala [s. n.], 1963. 347 p.
31. Иванов Вяч.Вс. Лингвистика третьего тысячелетия: Вопросы к будущему. М. : Языки славянской культуры, 2004. 208 с.
32. Gaiman N., Pratchett T. Good Omens HarperCollins, 2011. 432 p.
33. Лоитеп С.М. Русская детская литература XX века и детский фольклор: проблемы взаимодействия: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Петрозаводск, 2002. 41 с.
34. Pratchett Terry. Amazing Maurice and his educated rodents. HarperCollins, 2009. 368 p.
35. Швейцер А.Д. Социальная дифференциация английского языка в США. М. : Наука, 1983. 216 с.

ON SOME PARAMETERS OF INFORMATIVENESS OF RUSSIAN AND ENGLISH SUBSTANDARD LEXICAL UNITS.

Tomsk State University Journal of Philology, 2014, 2 (28), pp. 50–62. DOI 10.17223/19986645/28/5
 Mekheda Marina I., Irkutsk State Linguistic University (Irkutsk, Russian Federation). E-mail: mmekheda@mail.ru

Keywords: substandard word formation, informativeness, language economy, expressiveness, axiology.

The article deals with the problem of informativeness of lexical units which is closely connected with language economy law and some means of enhancing the informative value of a unit. It is necessary to point out that a simple transfer of information from the Speaker to the Recipient cannot be considered as the purpose of communication. The idea of communication is mainly in orientating the Recipient and directing him/her with the help of various persuasive means including such elements as informativeness, expressiveness, emotiveness and axiology. The informative value of any word unit can be presented as dual: semantic and additional or emotional. The additional information of a word unit can include different degrees of expressiveness and intensity, various aspects of evaluation (pejoration or elevation), gender and age characteristics, as well as ethnic and social status parameters of the Speaker/Recipient of the consituation.

The author tries to define and explain some of the parameters of informativeness of lexical units taking the substandard lexical systems of Russian and English languages as a model. It is acknowledged that the substandard system is less controlled by rules and norms than the standard system and can be characterized by individual word formation creativity and expressiveness. Expressiveness and axiology are essential for the substandard stratum of the vocabulary. They can be achieved through different means on various levels (phonological, semantic, derivational, syntactic). Some word formation models can contribute an expressive and evaluative element to the word unit in the process of coining a new word. Expressive affixation is rather productive both in the Russian and English languages. The use of diminutive affixes can also indicate age and gender of the Speaker or the Recipient of the communication act. Repetition can also be considered as a universal means of enhancing emotiveness and expressiveness of any unit of the languages concerned.

Exclusive for the substandard layer of the vocabulary system is productivity of certain types of word formation which are not very common in the literary stratum (reduplication, onomatopoeia, rhyming slang). They are economically advantageous types of word formation and valued by both the Speaker and the Listener of the communicative act for informativeness and expressiveness. The ease of decoding the information of the unit can be achieved through iconic fixedness of stylistic pejoration, iconicity of certain meanings fixed with certain initial sounds or clusters of sounds, as well as encoding a number of aspects of information into the units of the language system of various levels (semantic, grammatical, phonological, pragmatic).

References

1. Gorbachev V.V. *Kontseptsii sovremennogo estestvoznaniya* [The concepts of modern natural science]. Moscow, Izdatel'skiy dom ONIKS 21 vek: Izdatel'stvo Mir i Obrazovanie Publ., 2003. 592 p.
2. Maturana H.R. [Biology of cognition]. *Yazyk i intellect. Sbornik* [Language and intelligence. Collected papers]. Moscow, Progress Publ., 1995, pp. 95 – 142. (In Russian).
3. Turanskiy I.I. *Semanticheskaya kategoriya intensivnosti v angliyskom yazyke* [Semantic category of intensity in English]. Moscow, Vysshaya shkola. Publ., 1990. 173 p.
4. Keller R. *Sparchwandel. Von der unsichtbaren Hand in der Sprache*. Tübingen, Franke, 1990. 218 p. (Russ. ed.: Keller R. *Yazykovye izmeneniya. O nevidimoy ruke v yazyke*. Samara, SamGPU Publ., 1997. 308 p.).
5. Kolmogorov A.N. Tri podkhoda k opredeleniyu ponyatiya "kolichestvo informatsii" [Three approaches to the definition of the concept amount of information]. *Problemy peredachi informatsii – Problems of information transmission*, 1965, Vol. 1, pp. 3 – 11.
6. Shannon C. *Raboty po teorii informatsii i kibernetike* [Cybernetics and information theory]. Moscow, Izdatel'stvo inostrannoy literatury Publ., 1963. 830 p.
7. Martinet A. *Éléments de linguistique générale*. Paris, Armand Colin, 1960. 221 p. (Russ. ed.: Martinet A. *Osnovy obshchey lingvistiki*. Moscow, Editorial URSS Publ., 2004. 228 p.).
8. Gal'perin I.R. *Informativnost' edinits yazyka* [Informativeness of language units]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1974. 175 p.
9. Kubryakova E.S. *Yazyk i znanie: Na puti polucheniya znaniy o yazyke: Chasti rechi s kognitivnoy tochki zreniya Rol' yazyka v poznanii mira*. [Language and knowledge: On the way of learning the language: Parts of speech from the cognitive point of view. The role of language in world cognition]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2004. 560 p.
10. Ponomareva O.B. *Kognitivnye i pragmo-stilicheskie aspekty semanticheskoy derivatsii (na materiale angliyskogo yazyka v sopostavlenii s russkim i nemetskim yazykami)* [Cognitive and pragma-stylistic aspects of semantic derivation (on the English language material in comparison with Russian and German)]. Tyumen, Izdatel'stvo TyumGU Publ., 2005. 164 p.
11. Zemskaya E.A. *Russkiy yazyk kak inostrannyi. Russkaya razgovornaya rech'. Lingvisticheskiy analiz i problemy obucheniya* [Russian as a foreign language. Russian colloquial speech. Linguistic analysis and learning problems]. Moscow, Flinta: Nauka Publ., 2004. 240 p.
12. Drozhzhichikh N.V. *Sinergeticheskaya model' integratsii ikonicheskikh edinits raznykh urovney. Diakhroniya* [Synergistic integration model of iconic units at different levels. Diachrony]. Tyumen, Izdatel'stvo Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta Publ., 2006. 256 p.
13. Horn L. *Economy and redundancy in a dualistic model of natural language*. SKY: Yearbook of the Linguistic Association of Finland, 1993, pp. 33 – 72.
14. Voronin S.V. *Osnovy fonosemantiki* [Fundamentals of phonosemantics]. Leningrad, Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta Publ., 1982. 244 p.
15. *Bol'shoy entsiklopedicheskiy slovar': Yazykoznanie* [Big Encyclopedic Dictionary: Linguistics]. Moscow, Bol'shaya rossiyskaya entsiklopediya Publ., 1998. 685 p.
16. Drozhzhichikh N.V. [Iconic and symbolic aspects of linguistic signs]. *Znak. Slovo. Tekst: semioticheskie aspekty yazykovykh edinits raznykh urovney* [Sign. Word. Text: semiotic aspects of linguistic units at different levels: collective monograph]. Tyumen, Izdatel'stvo Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta Publ., 2001, pp. 51 – 73. (In Russian).
17. Zvegintsev V.A. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and applied linguistics]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1967. 338 p.
18. Zabotkina V.I. *Novaya leksika sovremennogo angliyskogo yazyka* [New vocabulary of modern English]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1989. 126 p.
19. Rozental D.E. *Sovremennyy russkiy yazyk* [The modern Russian language]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1991. 559 p.
20. Emirova A.N. *Russkaya frazeologiya* [The Russian phraseology]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1988. 245 p.
21. Serebrennikova E.F., Antip'ev N.P., Vikulova L.G., Ladygin Yu.A. et al. *Lingvistika i aksiologiya: etnosemiometriya tsennostnykh smyslov* [Linguistics and Axiology: etnosemiometry of axiological values]. Moscow: TEZAURUS Publ., 2011. 352 p.
22. Plotnikova S.N., Tareva E.G., Khakhalova S.A., Kazydub N.N., Litvinenko T.E., Semenova T.I., Gotlib O.M., Malinovich M.V., Sharunov A.I., Kulagina O.A. *Lingvistika i aksiologiya:*

etnosemiometriya tsennostnykh smyslov [Linguistics and Axiology: etnosemiometry of axiological values]. Moscow, TEZAURUS Publ., 2011. 352 p.

23. Belyakova S. M. *Obraz vremeni v dialektnoy kartine mira (na materiale russkikh starozhil'cheskikh govorov yuga Tyumenskoy oblasti* [The image of time in the dialect picture of the world (based on the old Russian dialects of the south of the Tyumen region)]. Tyumen, Izdatel'stvo Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta Publ., 2005. 264 p.

24. Arnold I. V. *Stilistika sovremennogo angliyskogo yazyka: stilistika dekodirovaniya* [Stylistics of modern English: decoding stylistics]. Leningrad, Prosveshchenie Publ., 1981. 295 p.

25. Kuznets M.D., Skrebnev Yu.M. *Stilistika angliyskogo yazyka* [English Stylistics]. Leningrad, Nauka Publ., 1960. 173 p.

26. Kryuchkova O. Yu. *Reduplikatsiya v aspekte yazykovoy tipologii* [Reduplication in terms of linguistic typology]. *Voprosy yazykoznaniya*, 2000, no. 4, pp. 68 – 84.

27. Minlos F.R. *Reduplikatsiya i parnye slova v vostochnoslavianskikh yazykakh*. Diss. kand. filol. nauk [Reduplication and paired words in the East Slavic languages. Philol. cand. diss.]. Moscow, 2004. 183 p.

28. Mekheda M. I. *Tematicheskaya differentsiatsiya reduplikativov v russkom i angliyskom yazykakh* [Thematic differentiation of reduplicatives in Russian and English]. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta – Herald of the Tyumen State University*, 2010, no. 1, pp. 183–189.

29. Petrova L.I. *Reduplikatsiya v angliyskoy slovoobrazovatel'noy sisteme*. Diss. kand. filol. nauk [Reduplication in English word formation system. Philol. cand. diss.]. Leningrad, 1978. 214 p.

30. Moravcsik E. *Reduplication*. In: *International encyclopedia of linguistics*. Oxford, Oxford University Press, 1992, pp. 323 – 324.

31. Thun N. *Reduplicative Words in English: The Study of Formation of words tick-tock, hurly-burly, shilly-shally*. Uppsala, 1963. 347 p.

32. Ivanov Vyach. Vs. *Lingvistika tret'ego tysyacheletiya: Voprosy k budushchemu* [Linguistic science of the III millennium. Questions to the Future]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2004. 208 p.

33. Gaiman N., Pratchett T. *Good Omens*. New York, HarperCollins, 2011. 432 p.

34. Loyter S. M. *Russkaya detskaya literatura XX veka i detskiy fol'klor: problemy vzaimodeystviya*. Diss. doc. filol. nauk [Russian children's literature of the 20th century and children's folklore: problems of interaction. Philol. doc. diss.]. Petrozavodsk, 2002. 41 p.

35. Pratchett T. *Amazing Maurice and his educated rodents*. New York, HarperCollins, 2009. 368 p.

36. Schweitzer A.D. *Sotsial'naya differentsiatsiya angliyskogo yazyka v SShA* [Social differentiation of English in the USA]. Moscow, Nauka Publ., 1983. 216 p.